

A painting by Mikhail Starodub. The central focus is a woman's face, rendered in a soft, painterly style with warm tones. She has brown eyes and a slight smile. To her right, a harp is depicted, its strings and frame glowing with a golden light. Autumn leaves in shades of yellow, orange, and red are scattered around the harp and the woman's head. In the background, a building with a red roof and a bright sun or moon are visible against a purple and blue sky. The overall mood is nostalgic and melancholic.

МИХАИЛ
СТАРДУБ

ПРОСТИСЬ
С НЕВИННОСТЬЮ,
БУМАГА!

Михаил Стародуб

Простись с невинностью, бумага! (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40497303
Простись с невинностью, бумага! : БОС; Москва; 2018
ISBN 978-5-905117-35-0

Аннотация

Эта книга – детище безусловно талантливого автора. Поэта. Налицо не только творческая одарённость и творческая потенция, но и характерная поэтическая образность мышления.

Стародуб – мастер малых поэтических форм. Малых по объёму, естественно, но точных по смыслу. Как правило, очень точных. Это в поэзии – вообще высший пилотаж. Тут надо быть зрячим (врождённое качество, конечно). Поэтически зрячим. Но и – уже чисто технически – владеть отточенной формой.

Он – один из последних романтиков ушедшего века, каким-то странным образом перебравшийся в новое столетье.

Стихотворения в двух книгах.

Книга первая: «Среди сплошного „Как ни странно“» (издание второе, переработанное).

Книга вторая: «Размах крыла» (стихи, написанные в последние годы).

Содержание

Человекокрылый...	5
Среди сплошного «как ни странно»	18
Из солнечных лучей	23
Этюды о времени	26
В высших сферах	31
В узорах следствий и причин	35
В стихах встречать начало дня	40
Любимая, здравствуй!	49
Реплики	62
Любимая, здравствуй!	66
Реплики	74
Любимая, здравствуй!	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Михаил Стародуб

Простись с невинностью, бумага! (сборник)

© Стародуб М.М., 2018

© Галкин А.М., 2018

© Издательство «БОС», 2018

* * *

Человекокрылый...

Предисловие к первому изданию книги «Среди сплошного «Как ни странно»»

Довольно частое явление в литературе: автор некоего произведения и то, что составляет суть этого произведения, – отнюдь не одно и то же; иными словами, они существенно различны психологически. Обратная ситуация – когда поэзия или проза, по сути своей, абсолютно идентичны тому, чем и кем является их создатель. Последнее – редкость, и потому явление самоценное. Книга стихов, которую сейчас держит в руках читатель, относится именно к такой редкой категории: её автор (конкретно – его душа и разум) и есть эта книга. Никаких различий, никакого разрыва между личностью, её характерологией, мировосприятием и сутью написанного. «Ума и сердца дьявольский разлад» (здесь – между бытованием личности и результатом творчества) не углядишь и под электронным микроскопом.

Я имею право говорить так, ибо знаю Михаила Стародуба лично, то есть знаю не только его поэзию, но и то, как он жил и живёт, чем дышит. Каков он в жизни.

Поэтому сначала о нём, – но о нём, именно как об авторе этой книги.

Автор – человек ироничный. Точнее, очень ироничный.

А из психологии нам известно: ироничный – значит, умный; это, как говорится, по определению. Но тут же, из психологии: ироничный – не обязательно добрый; таких – ироничных, но желчных, а порой и иронично-злых среди людей отнюдь не глупых или даже очень умных – достаточно, и в мировой литературе они выписаны очень чётко, не говоря уж о том, что и в нашем быту их хватает. А вот сочетание в конкретном человеке ироничности (в основе чего глубокий интеллект, повторим) и доброты – опять же редкость (если держать в уме то, о чём шла речь в предыдущем абзаце). Арифметика вполне понятная, к сожалению: умных – меньшинство, среди них ироничных – тоже меньшинство, а среди умных и одновременно ироничных отыскать ещё и добрых, – это меньшинство, так сказать, в кубе. Ну, а теперь воспросим: если такой человек еще и талантлив? Ясно: не просто редкость, а некий раритет...

В общем, нетипичные особи среди сапиенсов. Человекокрылые. Маленький отряд. Из тех, кто, бытуя среди нас, играет на скрипочке или в дудочку дует. Для нас же. Играет – и с палубы, в то время как тонет «Титаник», не уходит.

О таланте упомянуто чуть выше не зря. Собственно, если бы не талант, не было бы и книги. Впрочем, нет, книга может, и была бы (теперь издаваться горазд всякий, лишь бы деньги имелись, – оттого и печатной продукции графоманов – море разлитое!), но только не эта книга. Ибо эта книга – детище безусловно талантливого автора. Поэта.

Налицо не только творческая одарённость и творческая потенция, но и характерная поэтическая образность мышления. Это – образы не по годам мудреца. Наблюдателя. Не моралиста. Не судьи. Как обустроить державу, где он живет, или какую иную страну, или просто отдельную личность, он, наш автор, назидательных советов не даёт. Ибо врожденно-природно верен принадлежности своему цеху – цеху творцов, литераторов. Назначение этих последних – вовсе не советовать.

Да, наблюдатель, но – и участник. То есть не отстраненец. Напротив, бурный участник жизни, её восхищенец. Подчеркнем: восхищенец! Восхищенец любовью, природой, людьми – взрослыми и детьми. Восхищенец главным чудом – самой жизнью.

Такое сочетание в одном человеке, тем более в творце, поэте, – сочетание наблюдателя и участника – явление опять же нечастое. Оттого и поэтический эффект куда сильнее. Ведь от одних только рефлексий и эмоциональных захлёстов, пусть даже на творчески высоком уровне, читатель может быстро устать. А тут, у Стародуба, – воздух, подышать можно, улыбнуться умной реплике, растеплеть душой, порадоваться точности наблюдений и оценок, оценить юмор, добрую иронию. Потому-то при знакомстве с этой книгой постепенно и возникает такой эффект: автор не отстранён, он с нами. Да, он – не небожитель, он – самый земной, но Бог дал ему способность наблюдать за нами (и за собой то-

же, вот ещё одна прелесть!), наблюдать, иронизировать, радоваться и печалиться, и всё это как бы с высоты птичьего полета. Человекокрылый, я же сказал! Ведь недаром Стародуб однажды проговорился в этой книге:

И да будут глаза мне – крыльями...

В этой строчке – многое: и поэтический образ, и способ самостояния. Способность к самовоспарению.

Теперь о важных частностях (поверим алгеброй гармонию, если по Пушкину).

Стародуб – мастер малых поэтических форм. Малых по объёму, естественно, но точных по смыслу. Как правило, очень точных. Это в поэзии (поэзии не ёрнической, не сатирической) – вообще высший пилотаж. Чтоб обо всём сказать умно, образно, иронично, но кратко, лапидарно, и при этом никого не обидеть (последнее автору и в голову не придёт!). Тут надо быть не только добрым, но точным, зрячим (врождённое качество, конечно). Поэтически зрячим. Но и – уже чисто поэтически (технически) – владеть отточенной формой. В конце концов, вложить в четыре, а то и только в две строки некий диагноз (прогноз; ощущение; трепет остывающего чувства; предчувствие; бубенчик грядущей радости... далее множьте сами!) – это отдельный талант.

Несколько примеров. Вот, казалось бы, пример тривиальный: что наша жизнь?

*... Песня или вопль протяжный,
чаще – счастье, чем беда,
то, что кончится однажды,
не кончаясь никогда.*

Комментарии тут излишни. Ибо действительно всё вроде бы узнаваемо, а – поэзия! Поэзия и есть, когда вроде бы всё узнаваемо, а иначе, чем тут, у данного автора, не скажешь. Потому и запоминаемо надолго.

Или такое:

*Пусть знание сильнее красоты.
Пусть я сильней – прекрасней ты.*

И опять же узнаваемо, но в этом классическом ямбе, где навязчиво угадывается нечто гётевское-пушкинское («...Я проклял знаний ложный свет...» – Пушкин, «Сцена из Фауста»), опять же навязчиво проступает лапидарная, вечная формула открытия сути человеческого бытия. Конечно: прекрасней ТЫ.

Или вот такой кратенький образ из небольшого по объёму стиха:

*Летучих облаков руно,
рассвета красное вино.*

Две строки, и больше ничего не надо. Если ты художник (то есть живописец), то бери холст с красками и рисуй: тебе всё уже задано! (А я не смогу не вспомнить Пушкина опять же: «Редает облаков летучая гряда...»).

Но задано и такое:

*Наступает вечер, только
месяц – мандарина долькой –
зависает в облаках.
Так и тянется рука!
Полюбишься, устанешь:
как тот мандарин достанешь?
Утром глянешь в облака –
в небе долька чеснока.*

Отсюда вовсе не странно, что, как вы уже, наверное, поняли, поэзия Стародуба – изначально ироничная, по форме малая, лапидарная и афористическая, – вовсе не малый жанр поэзии (по типу: драматическое искусство и эстрада; или: музыка классическая и лёгкая). Поэзия – или она есть, или... вариант обратный. Слава Богу, тут нет такой дилеммы. Ибо:

*Как вдруг в житейской непогоде
уже не мы слова находим,
а Слово призывает нас,
чтоб изумить в который раз
и незаслуженно спасти*

от безнадёжного пути.

Или следующее извлечение из финала короткого стиха:

Как складывать стихи? – спросил поэт.

Как сложены созвездья, – Бог ответил.

Тут я позволю себе пожуричь автора: поэт (Поэт!) никогда не задаст Всевышнему такого вопроса, ибо про то всё знает сам (недаром у Лермонтова: «Я, или Бог, или никто»!). Ну да простим. Но образ сложен, то есть выписан. Ибо складывать звёзды в созвездья – тут Богу надо было быть тоже. Поэтом, не иначе.

Чуть выше я затронул тему и вовсе отдельную, хотя для «нормального» поэта типичную. Зовётся она любовной лирикой. Помните:

Пусть знание сильнее красоты.

Пусть я сильней – прекрасней ты.

Отдельная эта тема – и не для автора, а для нас, читателей, – потому что в наше сугубо прагматичное время чувственные отношения между мужчиной и женщиной (то, что прежде составляло квинтэссенцию искусства, а в поэзии в наибольшей степени) обретають механический, почти деловой характер. А как у Стародуба? Читаем и затем спрашиваем себя: да не иначе он из позапрошлого века к нам вы-

писан? Ну, предельно чувственен, это ясно, но таких мужиков – масса, но вот чтобы так мочь любить! И так это облечь в поэзию! В поэзию малых, кратких, скупо проговариваемых (шепотком!) форм! Да, именно так – именно по-стародубовски. Потому что:

*И полоснёт по горлу нежность,
и горлом хлынет.*

Согласитесь, когда ТАК, то надо только и успеть кратко вышептать пару слов. Но самых главных.

*Играем чёрно-белое кино.
Упала темь,
но вместе с тем
случайный луч,
проворно жала,
кровавит губы и вино
в твоём мерцающем бокале.*

Или:

*И снова больно. И опять
до самой сердцевины.
Как ты умеешь заживлять
две рваных половины...
Как, мучась, мучаешь, пока
два кровоточащих куса*

*срастутся так, что не разъять.
Чтоб всё сначала... чтоб опять...*

Вот это «чтоб всё сначала...чтоб опять», это непреходящее чувство-понимание неизбывной трагичности прекрасного, вечной сиюминутности бытия (и упоение этой сиюминутной вечностью!) – это, скажем опять же, редкий дар.

И наконец, если о любовной лирике Стародуба, – стихотворение «Давай отремонтируем квартиру...» Оно небольшое, как и прочие в этой книге, но приводить его здесь целиком – зачем? Читайте. Оно – безусловно лучшее в поэзии автора (парадокс: не очень-то типично стародубовское! Исключение. Потому, может быть, и самое ценное?).

И, наконец, детство. Без внимания к этому феномену в творчестве автора тут вообще не обойтись.

*Страница, глина и холсты...
Не устает, глазеет люд –
сам по себе, то там, то тут,
гуляет хвост и две звезды.*

Известно, что жанр детской литературы – явление отдельное, может быть, самое сложное и потому отбирающее в свой цех людей, наделённых не только особым литературным талантом, но и талантом чисто человеческим. Тут со Стародубом всё в порядке: он обладает и тем, и этим. Однако ж есть

ещё одна особенность, а точнее – изюминка.

Уже не впервые знакомясь с его «детским» творчеством (читая ли эти стихи с листа, слушая ли их под его, автора, гитару), я убеждаюсь: творя «детство» как литературу (или исполняя эти стихи как песни), Стародуб каким-то непостижимым образом перевоплощается в ребёнка. И это во все не лицедейство (хотя ему, бывшему профессиональному актёру, оно хорошо знакомо и подвластно). Это – перевоплощение действительное, почти абсолютное. То есть детские стихи Михаила Стародуба – это на самом-то деле стихи мальчика Миши Стародуба, который – вот ещё одно «как ни странно» – обладает умением взрослого человека технически грамотно, правильно слагать свои вирши. Понимаете? В нашем авторе, поэте Стародубе, остался-живёт ребёнок, остался-живёт мальчик Миша (Миха), который время от времени оживает во взрослом дяде Михаиле. Оживает и пишет детские стихи, при том используя техническое мастерство этого дяди – своего взрослого двойника.

Вот такова она, тайна феномена детской поэзии Стародуба. Именно специфически образное правополушарное мышление, присущее только ребёнку, но вопреки законам развития личности продолжающее жить во взрослом уже человеке, и даёт возможность Стародубу творить именно свою, именно особенную детскую литературу. Хотя, повторю, она была бы невозможна, если бы в Стародубе не осталась ещё и та чистота, которая тоже присуща только ребёнку. Чистота

и доброта. Радость и свет. Достаточно прочитать помещённых здесь «Щенков» или «Завистника», чтобы убедиться во всём этом.

И всё-таки, если уже не о детстве, время от времени, будто трава сквозь асфальт, пробиваются тут же подсыхающие под солнцем прутики печали. Что ж, наш автор далеко не восторженный идеалист – цену жизни он знает и то, что жить сладко и больно одновременно, испытал на себе достаточно.

*Ты довольна? Стих удачен.
Мы богаче стали, значит:
в мире небыллицей больше.
А что с кровушкой – так боль же!*

Да, вот эти две последние строчки – и есть «сладко и больно одновременно» (ещё один пример подобного – в отмеченном нами выше стихотворении «Давай отремонтируем квартиру...», которое, повторим, едва ли не лучшее в книге). Другое дело, что такое знание и такое мировосприятие не составляет доминанту в творчестве Стародуба. И хорошо, ибо, случись обратное, перед нами был уже не Стародуб как личность и поэт, а кто-то иной.

Заканчивая это моё, так сказать, Слово о Стародубе, я был бы чисто по-дружески несправедлив, если не был до конца объективным. Да, эта книга (то есть собрание сочинений) – не Эверест поэтического совершенства: тут не всё ровно, и наряду с безусловными удачами (коих, слава Богу, большин-

ство) встречаются удачи несто процентные. Почему – ясно: чувственен – аж слишком, восхищенец – аж слишком, любвеобилен – аж слишком, талантлив и добр – тоже. Всему этому можно только позавидовать. И я завидую. Завидую, но знаю: как творец он, наш автор, существо прогрессирующее, то есть на собственных ошибках обучающееся. Не упёртое. Что прекрасно. Ибо, в конце-то концов, всё решает интеллект.

И напоследок.

Напоследок – цитата:

*Если это в утешенье –
в самых тщательных трудах
продолжается движение...
но не спрашивай «куда».
В отдалении и рядом,
свет умножа или тьму,
исполняешь то, что надо...
но не спрашивай «кому».*

Так вот, когда еще шёл 2000-й, я сказал Стародубу: «Ты – один из немногих последних романтиков уходящего столетия». Минуло время, состоялся переход в новую временную эпоху.

И теперь я могу сказать следующее.

Он – один из последних романтиков ушедшего века, каким-то странным образом перебравшийся в новое столетие.

Но это уже не столько странно, сколько чудесно: сей, казалось бы, теперь здесь, в сплошной прагме, не нужный романтик, продолжает дуть в свою дудочку, играть на скрипочке, осчастливливая души небольшого по численности духовного оптимума наших сограждан. Он не изменяет своей поэзии ни на йоту. «Титаник» тонет, но поэт с палубы не уходит.

Борис Горзев

Борис Горзев – советский и российский писатель.

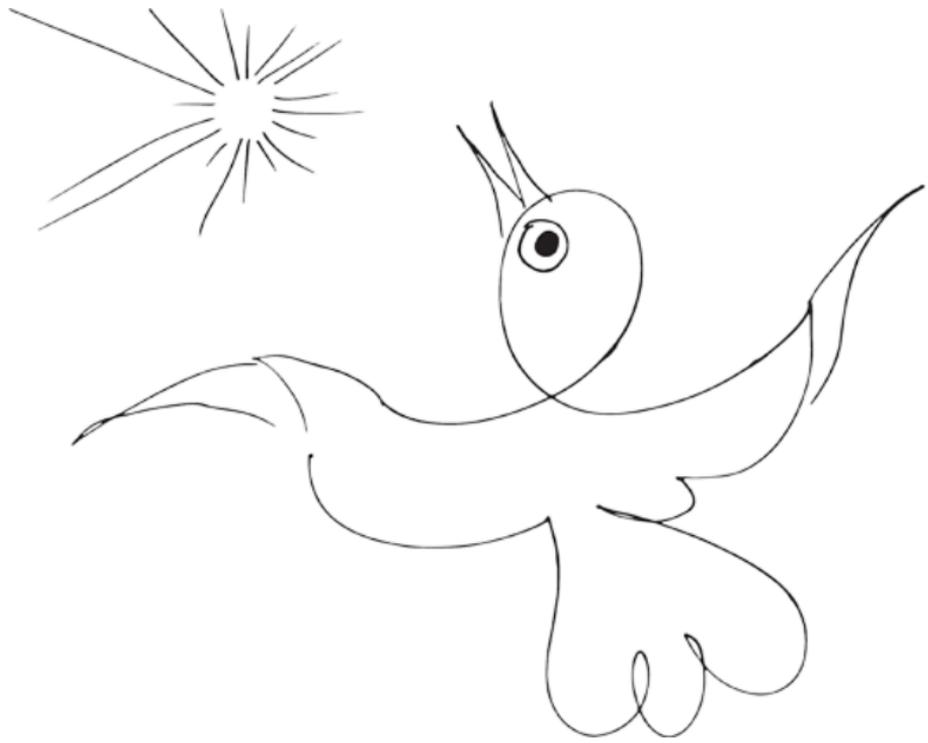
Член Союза писателей Москвы. Автор книг стихов, прозы. Печатался в ведущих литературных журналах страны («Знамя», «Согласие», «Октябрь», «Дружба народов», «Грани» и др.). Книги опубликованы в России и за рубежом. Автор сценариев телевизионных фильмов. Пушкинист («Пушкинские истории. Расследования полтора века спустя», М.: Изограф, 1997). Очерки о П.И. Пестеле, Гансе-Христиане Андерсене, Борисе Годунове, адмирале А.В. Колчаке и его гражданской жене А.В. Книпер, поэте П. Когане, композиторе И. Шварце. Работал редактором литературного отдела журнала «Химия и жизнь».

**Среди сплошного «как ни странно»
(книга первая, издание
второе, переработанное)**

Свет –

это музыка, конечно, –
из солнечных лучей
и восхищенья
той части темноты крошечной,
что прозревает днесь,
не без смущенья.

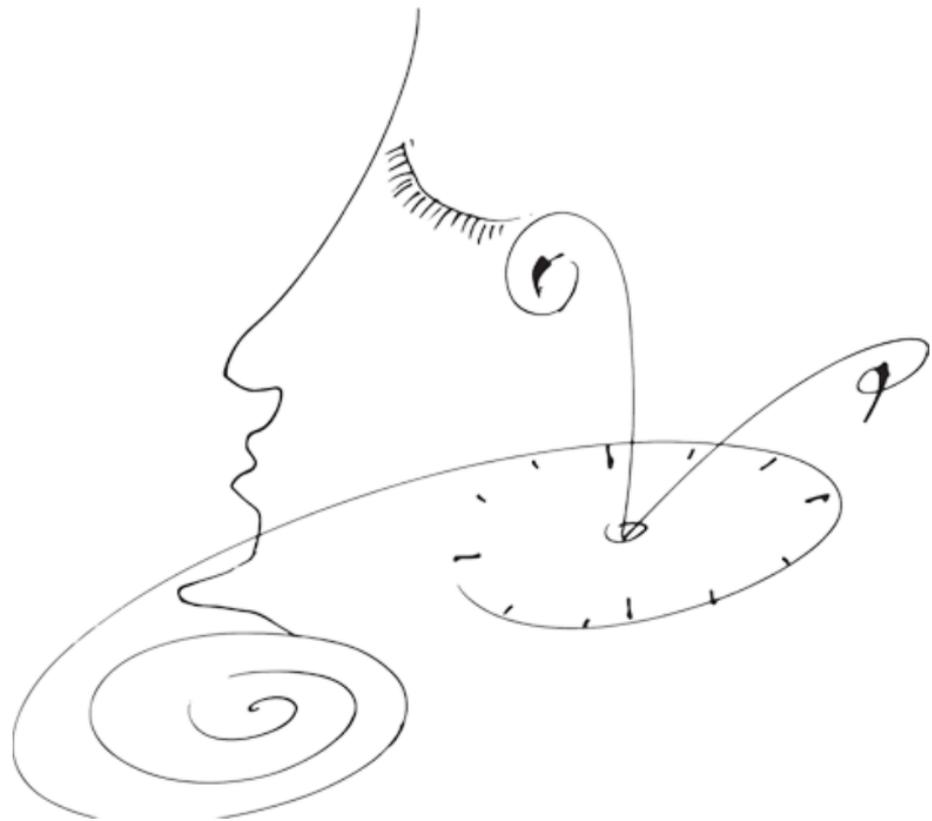
* * *

Это солнце умеет быть нежным
даже с нами, шальными и грешными.
И да буду я тем, кого ждали
небеса, горизонты и дали.

Разрешить...

но какими усилиями! –
Самому себе не лукавить,
и да будут глаза мне –
крыльями,
хоть единожды, всласть.

Пора ведь...

Этюды о времени

Время –

плоть,

и время –

плод,

стрелок взлёты и паденья,

поединки света с тенью,

время –

гибкое растенье

и волны неспешный ход,

песня или вопль протяжный,

чаще –

счастье, чем беда,

то, что кончится однажды,

не кончаясь никогда.

* * *

Ночь. Сомнений варианты.

За окном – миров гирлянды.

Время... ходит на пуантах!

(Щель завистника – вакантна)

По секрету говоря,
время – нам благодаря.

* * *

Что обещает день ближайший?
Вперёд!

А может быть, и дальше...

* * *

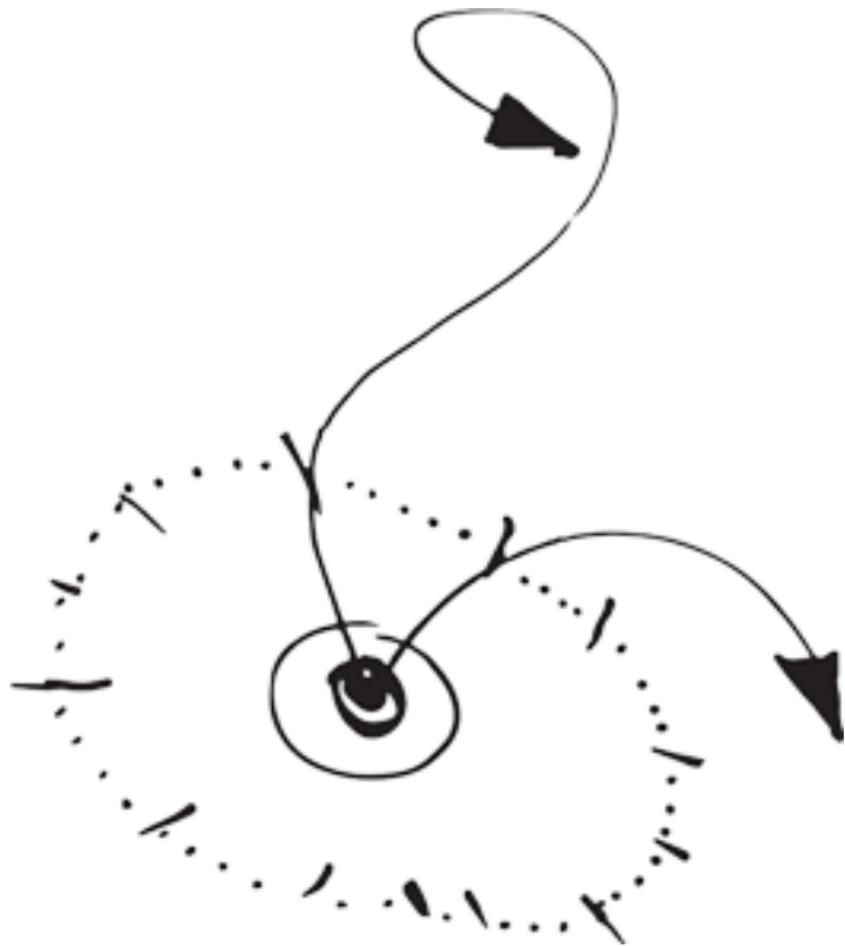
Неистребимое «вперёд!» –
для посвящённых наслажденье,
где краток долгожданный взлёт
и так замедленно паденье,
где каждый раз почти у цели
сомненье за душу берёт,
что исполняешь в самом деле
хотя бы малое –
«вперёд!».

* * *

Все меньше требуется плоти
лепить «вперёд» очередное,
путь в измерение иное
всё больше укрепляешь духом
(когда движения не против,
и если не стесняет брюхо).

* * *

Если это в утешенье –
в самых тщательных трудах
продолжается движенье...
но не спрашивай, «куда».
В отдалении и рядом,
свет умножа или тьму,
исполняешь то, что надо...
но не спрашивай, «кому».

В высших сферах

Голоса, движенья, числа
где-то в Высших Сферах очень...
Здесь рифмуют «жизнь» со «смыслом»
для того, кто вдруг захочет.
А для тех, кто пожелает –
случая усмешка злая,
бремя ненасытных, гордых,
злато, кровь и пот рекордов.

* * *

Тиски тоски,
восторга горки,
эффекты белого каленья,
летучей нежности миндаль
и мысли нервное биенье,
намёк, небрежная деталь...
едва заметный смысла кончик...
Недоумения лимончик
и даже уксус впечатленья.
А впрочем, искорки надежды
здесь вызревают, как и прежде:

на миг всего лишь светоносны,
пусть неуклюжие, но...

звёзды.

* * *

там, в тьмуще-тьмы...

...до сотворенья мира,
случаются, конечно, дыры.
И три молоденьких кита
приносят в млечные места
из этой девственной дали –
корявый, тощий пласт земли –
живую плоть, которой впредь
положено круглиться, зреть,
найти румяную звезду
на счастье. Или на беду.

* * *

Чья-то воля

или сила
ощущений захотела
и, не торопясь, вырастила
наше худенькое тело
с бледно-розовою кожей,
чтобы длить себя и множить,
чтобы прозревать пластами,
избранными, так сказать, местами,
нас питая тьмой и светом –
выдержать бы жила этой! –
В изошрённых испытаньях,
действиях видимых и тайных.

В узорах следствий и причин

Я забыл – зачем так важно
превосходство?

Что за жажда
в схватках словом, в рукопашных?
Я забыл – смешно ли, страшно, –
в преходящем и пустяшном
состояться самым первым?
Каждой веточкою нерва
знать до боли раньше всех –
достижение или грех?

Потерялись в прошлом где-то
однозначные ответы.
К сожалению, идеи
так во времени худеют!
Я забыл.

Хотя учён:
«раньше всех», оно почём.

* * *

Да, мы подводим свой итог

в местах, где милосерден Бог,
но здесь, в предместьях человеческих,
язвим заочно и при встречах.

* * *

Однако, затянувшийся сюжет!
Уж старость близится, а совершенства нет.
И эту незаконченность свою
нести, как странно! – Я не устаю.
Притом, что окружающим давно
и до ноздрей гармонии дано.

* * *

Я не сумел обзавестись машиной
трубой дымящей и гудком протяжным.
Макушкою, а может быть, вершиной
я с детства знал, что это мне не важно,
что все мои приобретения –
такие же, как я, растенья,
что, полируя неба синеву
в местах положенных живу.

* * *

Сожалею, что похвал,
где ни попадя искал.
И, перешагнув предел
в сочиненьи строк,
точно знаю, что хотел
более чем мог.
Со ступени на ступень –
надо ль знать итог?
Убеждает каждый день:
милосерден Бог.

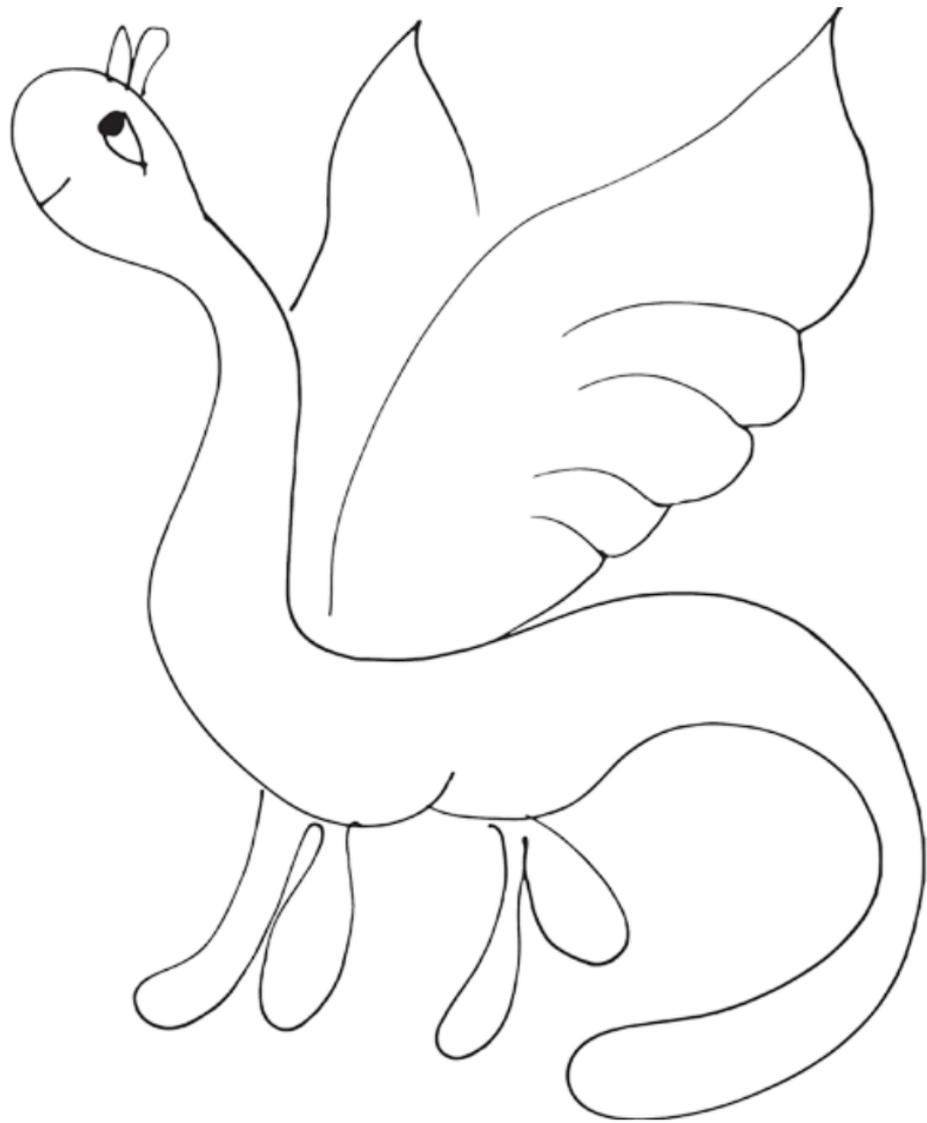
* * *

Судьба –
наш плат,
а мы –
ткачи.
Как хочется не наугад
в узорах следствий и причин!

* * *

Всё в нашей жизни смеет быть,
а может – так и не сложиться.
Догадки, суета и прыть –
лишь нетерпенье очевидца.

В стихах встречать начало дня

Как вдруг в житейской непогоде –
уже не мы слова находим,
а Слово призывает нас,
чтоб изумить в который раз
и незаслуженно спасти
от безнадёжного пути.

* * *

Стихи приходят невзначай,
но
узнаёшь закономерность
в подробностях вполне случайных.
И ты хранишь природе верность,
как требует того порядок
сих звёздных клумб
и млечных грядок.

я тот, кто верит в чудеса:
под сердцем огненный лоскут, который –
имущество небесного простора...

* * *

Как ноту в партитуре голосов –
прозрачную, цветную и летучую, –
примите наше искреннее «со!»
для «чувствия», «размерности» и «звучия».

* * *

Стихов сегодняшних писанье –
везений завтрашних вязанье,
где можно пасмурную нить,
на нить цветную заменить.

* * *

Так безусловно узнаю

из многих посторонних тем
единственную и свою
я только, может быть, затем,
чтоб (замирая сердцем, кстати!)
держат, сколь любопытства хватит –
но не спешить о результате.

* * *

Организуя сквозняки,
я в воздух отпускал стихи
о том, что это благодать –
так громко и всерьёз вздыхать.

* * *

Ступивши в будущего свет
к фигурам, знакам, сочетаньям
того, что именуют «знаньем»,
нашедши прошлого течение
во всём его тройном значеньи,
в поступках чист, душою светел...
– Как складывать стихи? –

спросил поэт.

– Как сложены созвездья, –

Бог ответил.

* * *

Жить,

и, «часов не наблюдая»,
следить,
как тёмная вода,
невесть откуда прибывая,
скользит неведомо куда
меж тесных берегов реки.

И, словно бы творя молитвы,
а может быть, как смешивая краски, –
читать стихи.

И снова, как стекляшки
цветастые, собирая на витраж,
читать стихи.

И да не оскудеет
Рука,
что

серебром
и
медью
речи
нас
оделяет.

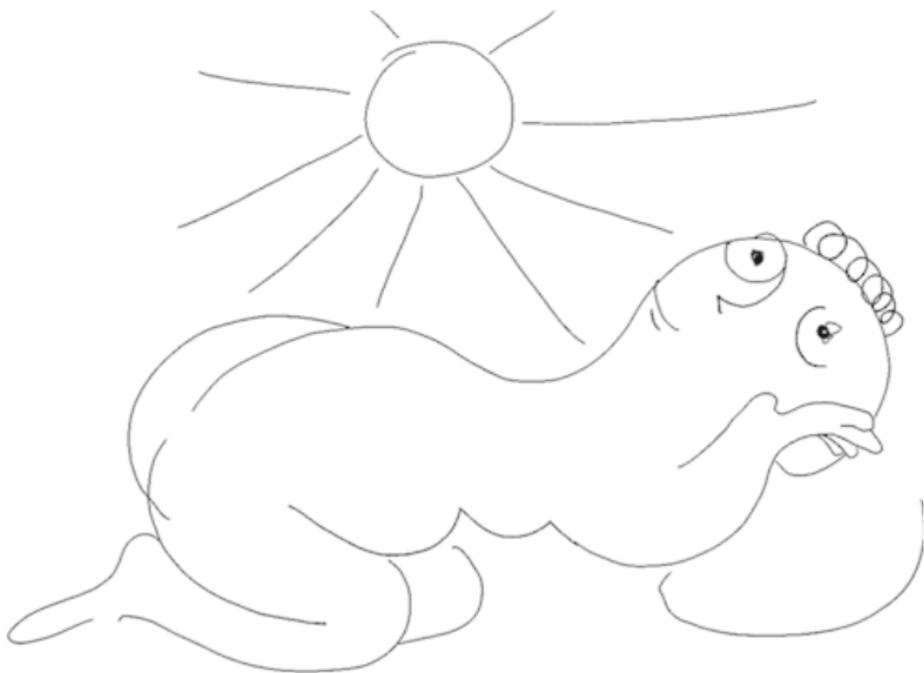
поэт разгуливает странником –
летучим, вдохновенным...

пьяненьким.

Воистину –

растить стихи, какое благо!

Простись с невинностью, бумага,
терпи, знакомясь с «винностью» словесной,
нехитрой, но –
вполне небесной.

Любимая, здравствуй!

весеннее

Биенье сердца и круженье головы,
волненья-тре, пряженья-перена...
Способность-работо снижается, увы.
Ха-хармсы прочие...
мужайся, старина!
Ты безнадёжен.

Солнце, май

и попки

прохожих девушек в материях из хлопка
таращатся так строго не спроста.
Какой миноз-весенний-авита!

* * *

Весною незнакомки хорошеют,
как это удлиняет шею!
Зовут на подвиг в улицах столичных,
шагают в одиночестве публичном...

Не устаю на встречных любоваться
под гром воображаемых оваций.

* * *

– Гарсон!

Один двойной и сладкий сон...

– С луною-вишенкой? Туманный?

– С оркестром и девицей Анной.

– Ах, сударь, вы легко одеты!

– Кому какое дело в этом?

– Но Анна, будучи девицей,
в засахаренных льдах хранится,
что без лимона и плаща
не пьют с оркестром натошак.

– Пусть ночь покажется ядрёной –
я буду гол и без лимона.

Плесните музыки, гарсон,
в один двойной и сладкий сон...

* * *

мелодия двух душ и скрипки...

...и «скрипочки» –

простите за ошибку! –

Мелодию прозрачную такую
на скрипочке представят, на скрипуле...

Уйдите все, кто бы хотел
оркестра духового и двух тел.

* * *

Пусть красотки Ненароки
ходят-бродят по дороге,
на которой их встречаем
мы, красавцы Невзначай.

* * *

Полезно гулять с головой набекрень
в июньский, прозрачный и солнечный день,
когда ты все больше и больше – олень,
безрогий (не время пока, да и лень
искать подходящих)...

полезно сирень –
июньское чудо –
явить на поляне,
где учат любви крутобёдрые лани.

* * *

– Присаживайтесь, бабочка,
листам капустным вредная!
Сам тоже травояден я –
«капустоистребителен» –
сейчас за первой стопочкой.
Присаживайтесь, деточка,
какая Вы нарядная
в своей крылатой юбочке,
и как многозначителен
изгиб летучей попочки...

Девы –

львицы и жирафы,
змейки, бабочки, растенья...
Воплотив себя, как тему,
выбирают нас, как шляпку,
башмачки, иль карамельку, –
в подходящий день недели
объявив себя новинкой,
неопознанным объектом...

Девы – как испить водицы!
Ароматом травы – девы!
«Бис!» и «браво!» – девы,

где вы

(разрешается гордиться) –
там земное притяженье,
чтоб невероятней было,
напрягает в четверть силы.

* * *

женщине

Ты – инструмент.

Прекрасный в исполнении,

но – инструмент.

Что вынужден молчать,

и ждать желанья.

Ждать прикосновенья.

Чьё назначенье –

отвечать.

* * *

До чего твой взгляд прохладен...

И не хмурься, правды ради!

Да, морозит, но слегка
там, под сердцем и в висках.

Поцелуя мёд и млеко
отогреют человека.

* * *

Любимая, здравствуй!

Но ближе, но между,
скорлупочка шубы и фантик одежды –
цветастых портновских идей чешуя –
всё прочее.

Всё, что не ты и не я.

* * *

Ты занавешена одеждой –
так взмах клинка припрятан в ножнах.
Я буду тем, неосторожным,
кто эту занавеску сдвинет.
И полоснёт по горлу нежность,
и горлом хлынет.

* * *

Винна Инна.

Мир двоится:

Аллы голы.

Пусты лица.

Ах! Бессонница без Сони.

Тает снег, у нас в сезоне –
линька, сброс рогов...

И только,
как спасенье

Ольги долька.

* * *

Я возлежу как на подушке
на животе моей подружки.
Ворчит утробушка на ушко,
а под щекой – гряды верхушка
в шелках возвращенной рыжей стружки.

* * *

Я –
наизнанку вывернутый ёж
в ладони узенькой твоей.
Так.

* * *

Пусть знание сильнее красоты.
Пусть я сильней – прекрасней ты.
Я знаю очень, слишком знаю!
Ты, по секунде убегая...
Ты – существо иного рода.
Где ты растрачиваешь годы –
я по секунде набираю.
Я знаю: мы недолговечны.
Но я печален. Ты беспечна.

Реплики

1.

– Приходим к вам, зализывая раны.
За силою целительной любви
приходим к вам. Мы гаданны и жданны
приходим к вам.

Но не зови!

2.

– Наотмашь меня судишь иль сплеча,
ты человек – здесь выпукло, там гладко, –
люблю тебя. Но для меня загадка
всё то, что я губами изучал!

3.

– Я – детёныш, который ёжик,

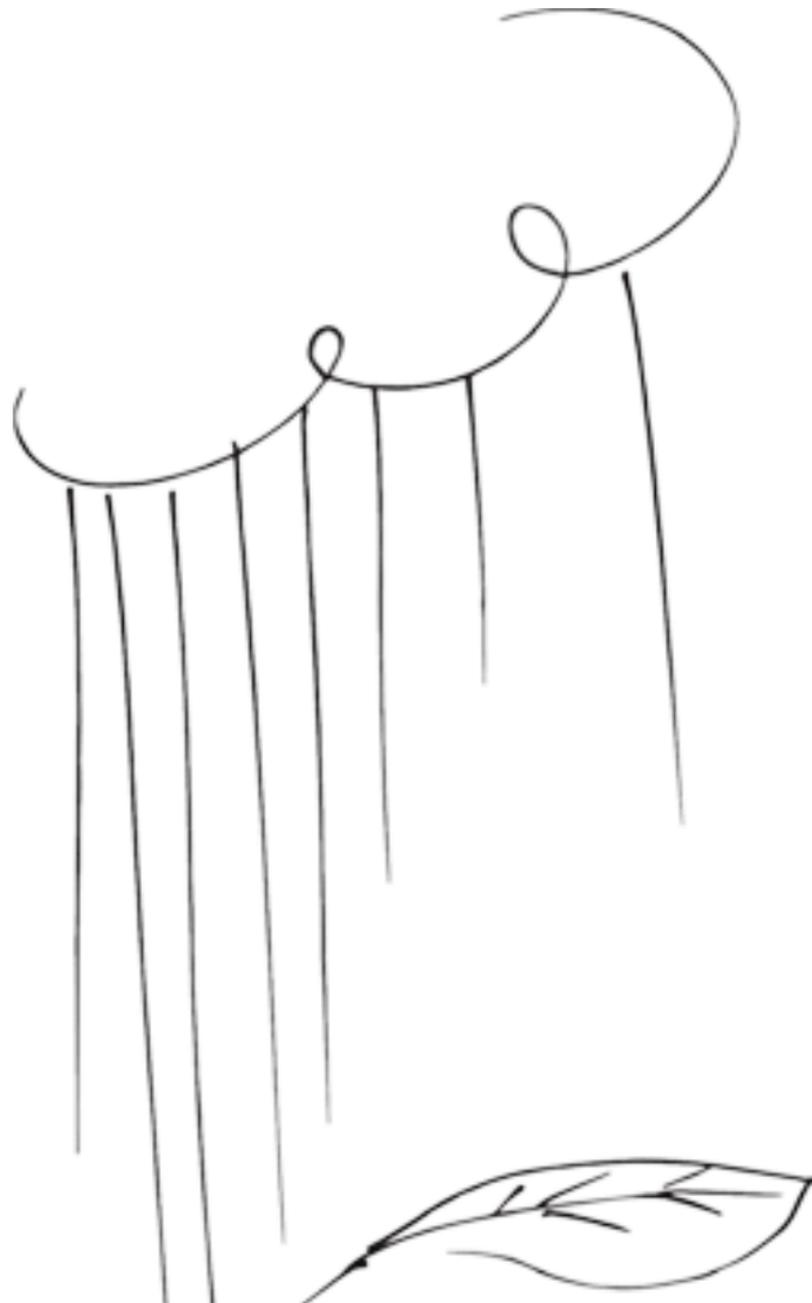
я колюч, беззащитен, любим.
Ты другой. Кожура твоя кожа.
Сердце в косточке. Неуязвим.

4.

– Сожаленья мои на прощанье:
не случилось крупнице желанья
вызревать под кожицей тонкой
там, где женщина носит ребенка.

5.

– Сомненья нет, вас полюбили
от чистой, искренней души!
Какое это счастье? Или...
Что за болезненный ушиб...

Любимая, здравствуй! (продолжение)

И снова больно. И опять
до самой сердцевины.
Как ты умеешь заживлять
две рваных половины...
Как мучась мучаешь, пока
два кровоточащих куска
срастутся так, что не разъять.
Чтоб всё сначала... чтоб опять...

* * *

из неотправленного письма

...с полудня до полуночи
такая, хоть кричи, –
пристроится под локоток,
запустит в вену коготок,
чтоб не ослабить, не сместить, –
тоска.

Рвёт мясо до кости.

* * *

черновик

Пиши:

«Иссохшей без тебя души...»

Пиши, пиши!

«...Каким ещё дождём насытишь?»

Здесь красная строка.

И далее:

«Рука...»

Нет, зачеркни пока.

Известно, что «торопится рука».

Страницу, комкая, оставь.

Начни другую. И представь

ночь. Километры расстоянья.

Бесстрастно скорый поезд скорый

бесцеремонный в расставаньях.

Он странствует в соседний город...

Как?

Связкой ёлочных игрушек.

В ней свет, тепло, твоё дыхание...

Однако скоро свет потушат.
Ночь, километры расстоянья,
на рельсы, скорость, пластик, сталь
(как будто отстраняют душу!)
падёт кромешная печаль.
И крошево дождя падёт...
Здесь с прошлого листа впиши:
«Каких ещё дождей найдёт
иссохший этот пласт души?»
Кури. Читай.

Увы, нескладно.
Отбрось. Злословя, запиши:
«Сегодня чересчур прохладно
гадать о сущностях души.
Бумага вышла (повод это
спастись в порядочных поэтах)».

* * *

Дождь легкомысленно шутил
случайной каплей.

Ночь промокла,
накрывши дом, гасила окна,
стучалась в форточку: «Пусти!»
Но я был светел, и светил
единственным окном Тебе.

* * *

Мой подбородок голубем в руке
твоей. С сознанием греха,
с последней строчкой этого стиха
уходишь ты...

* * *

Есть женщина, судьбою невесома,
что задержалась на моём плече
листом осенним, стрекозой крылатой.
Ладонью я хотел накрыть
своё плечо. Но испугался
крыла сломать,
плоть осени разрушить.
Есть женщина, которая ушла
от моего плеча к плечу другому.
Всё будто бы.

Да разве под рубахой
там, на плече, саднит и кровоточит,
и почему-то заживать не хочет.

* * *

Каких ещё искать решений
в судьбе налаженной твоей –
когда тебе так много дней,
и так немного ощущений?

* * *

Как наше жгучее, вот это,
что именуется «мечта»
и от рождения свободно, –
как это прочим неудобно!
Как возмутительно «не так»
среди прохладных силуэтов –
живое, жгучее, вот это...

* * *

Я сочиняю встречных девушек
из молока со сдобным хлебушком.

Но исполняются старушки
с водицей и ребром горбушки.

* * *

Случайно встретишь на перроне –
чужая ты. Я посторонний.
Я отвернусь. Вагон укатит.
Чужая ты. И там, под платьем,
мне незнакомые ложбины
и выпуклостей величины.
Чужая. Кожицы плеча
губами я не изучал.

* * *

ИЗ ЖЕНСКОЙ ЛОГИКИ

- Красотка, «ку...»? Красотка, «...да»?
Красотка, встретимся когда?
- Прохожий! Приставайте-не.

К такой заметной-не. Ко мне.

– Простите, если потревожил...

(уходит)

– Ах, нервный нынче стал прохожий!

* * *

метаморфоза

Я так же ненавидел расставанья –
как преданно любил на расстоянии –
как чуть не умер в радости от встречи –
как умираю в скуке каждый вечер
от права быть с тобою постоянно.

* * *

– Прощай, история, – и точка.

Абзац. И далее, – Привет!

Тебе, молоденький сюжет.

Здесь, под цветастой оболочкой,

такой желанной и пригожей, –
давно знакомое всё то же...

* * *

Вперёд, с надушенной щекой,
в одежке праздничной какой,
под этим небом голубым,
вон! – из обыденной судьбы.

Реплики

1.

– Презренной плоти лоскуток
размером с фиговый листок,
а сколько суеты, мой друг! –
бок о бок, между и вокруг...

2.

– Ты, безусловно,
лучше всех!
Я это доказать смогу.
Но нужен соответственный разбег:
ты лучше всех, но...
ближе к четвергу.

3.

– Ты всех загадочней?

Пожалуй! –

в местах, где пчёлка носит жало.

4.

– Прошу прощенья, вы – змея?

Или не более чем «рыба»?

Не лицемерьте, поздно. Ибо,
нас двое, но кровать – моя.

5.

– Пусть я –

мужчина «разового пользования»,

и пусть –

троллейбус в пик часы –

постель моя,

растрёпанная за ночь птица!

Я честный человек. И я готов жениться.

Любимая, здравствуй! (окончание)

А. К. для К. М.

1.

Не хочу с тобой

ни счастья, ни печали!

Мы чересчур подробно изучали

болезни эти там, в начале,

в пространствах, где свиданья назначали...

2.

...где (пусть «когда-то» и «давно»)

мы бестолково, наугад

так жадно и взахлёб грешно,

где мы любили –

вот оно! –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.